

На правах рукописи

Маммадов Муслум Мурсал оглы

**Особенности модернизации постсоветских
политических режимов**

Специальность: 23.00.02 –

Политические институты, процессы и технологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре политологии и права факультета истории, политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (МГОУ)

Научный руководитель

Егоров Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права факультета истории, политологии и права ГОУ ВО Московской области Московского государственного областного университета

Официальные оппоненты

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Ермаков Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор Департамента менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ

Ведущая организация

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Защита состоится «21» ноября 2017 г. в 15 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета Д 002.015.05 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1, зал Ученого совета Института философии РАН (313 ауд.).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН, а также на сайте: <http://iphras.ru/mammadov.htm>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь

**Диссертационного совета Д 002.015.05,
кандидат политических наук**

И.М. Угрин

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Демократический транзит в ряду важнейших цивилизационных трансформаций формирует содержание нового облика современного миропорядка. Глобализация процесса демократизации, отмеченная С. Хантингтоном, определяет социальную перспективу развития человечества.

Вместе с тем демократизация, воплощаемая институтами и механизмами, заимствованными из западного культурного опыта, далеко не всегда приводит к ожидаемому результату. Особенно очевидна нерелевантность внедрения западных институтов в социокультурный организм постсоветских стран, за исключением государств, инкорпорированных в единое европейское политико-правовое поле.

В политической науке стран СНГ сложился консенсус относительно того, что отсутствие явных признаков консолидации демократии в новых независимых государствах не является свидетельством «конца транзитологии», но лишь инициирует когнитивный и практический поиск направлений перехода от авторитаризма к демократии.

В представлении одних ученых, перед современными транзитологами стоит задача на основе преодоления линейного видения процесса демократизации «разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов». При этом проблема теоретического осмысления, по мнению сторонников этого подхода, должна смещаться с «атрибутивных характеристик и свойств» («управляемая», «делегативная», «электоральная», «авторитарная») на сам предикат демократии и,

собственно, постсоветские политические режимы, концептуализироваться в «недемократической понятийной рамке» «неоавторитаризма»¹.

Другие исследователи, имея в виду динамичность идеи и общественной демократической практики, развивающейся в процессе социальной эволюции, предлагают вместо транзитологии новый когнитивный формат общественной перспективы на основе «постмодерна»².

Третьи полагают, что «демократический транзит» как целеполагание социально-политической трансформации, ориентированной на достижение высокого уровня политического участия, является адекватной парадигмой эволюции постсоветских политических режимов, не ограниченной качеством «неоавторитаризма». При этом процесс демократизации видится опосредованным не только целеполаганием, но и культурно-историческим контекстом.

Очевидно, что дальнейший поиск пути политической модернизации постсоветских политических режимов в формате абсолютных универсалий не принесет конструктивных результатов, а лишь обострит «цивилизационный разлом», обозначившийся в современном мировом ландшафте. Кроме того, постсоветская политическая реальность, искусственно конструируемая под лекало, диктуемые демократическим опытом Запада, продуцирует симулякры, не интегрирующие общество и власть и, вследствие этого, сохраняющие высокий потенциал нестабильности.

Сказанное убеждает в актуальности и практической значимости определения адекватных моделей трансформации постсоветских политических режимов.

¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // А.Ю. Мельвиль. Политология: Лексикон / под ред. А.И.Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123-134.

² Капустин Б.Г. Конец «транзитологии» (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6-11.

Методологической и теоретической основой исследования стали теоретические представления политической науки о политических режимах, наиболее глубоко и всесторонне изложенные в работе А.П. Цыганкова. Под политическим режимом (вслед за А.П. Цыганковым обобщившим политологический опыт идентификации этого феномена) понимается: «совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, "дыхание" политической системы, ее упорядоченная динамика»³.

Для удобства использования определения в качестве описательного инструмента считаем возможным применение его резюмированного, сокращенного содержания: политический режим – это способ организации власти с целью достижения определенных политических целей.

Модернизация режимов как трансформационный процесс, в ходе реализации которого достигается новое качество, концептуализируется в рамках общей теории и специальных идей модернизации в политологическом дискурсе⁴. При этом следует иметь в виду, что термин «модернизация» нами используется не в узком смысле актуализации современности, а в широком – достижения нового качества политических режимов. Намеренное преодоление узкой трактовки модернизации позволило избежать аксиоматической заданности работы в формате бесспорного положения о том, что «в глобальном масштабе так и не появилось» «альтернатив равновеликих Модерну – Современности, Демократии и Капитализму»⁵. При этом в полемичном теоретическом дискурсе традиция рассматривается в

³ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С.18.

⁴ См., например: Идеи модернизации в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2012. № 2.

⁵ Мартыанов В.С. Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М., 2010. Аннотация.

нелинейном движении к новому качеству как необходимый конструкт современного, не олицетворяемый с его рудиментарными характеристиками, но несущий созидательный, позитивный потенциал.

Исходя из методологической установки на конструктивную роль традиции, настоящее исследование основывается на необходимости инкорпорирования в содержание модернизационного процесса политических режимов консервативной составляющей как императива, отражающего его историко-культурный контекст.

При этом концептуальные позиции работы основываются: во-первых, на учете отличий традиционализма и консерватизма, являющегося, в отличие от первого, «продуктом нового времени»⁶; во-вторых, на солидарности с той частью научного сообщества, которая не считает консерватизм альтернативой развитию. «Консерватизм, – пишет один из представителей этой научной точки зрения А.В. Репников, – означает признание возможности развития на почве сохранения традиционных ценностей. Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации возникает в том случае, если с понятием модернизации связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни»⁷. Такая артикуляция аксиологических ориентиров консерватизма позволяет, в-третьих, избежать подхода, связанного с его оценкой в качестве «функциональной» идеологии, нацеленной на сохранение «существующей структуры общества и его институтов»⁸. В-четвертых, введение в концептуальное основание работы паттерна консерватизма предполагает его темпоральное измерение, обуславливающее «вариантность

⁶ *Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 58-59.*

⁷ *Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 9.*

⁸ *Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? // Полис. 1998. № 4. С. 54.*

объектов консервативной фиксации», «характеристик и признаков консервативного идейно-духовного комплекса»⁹.

В оценке содержания теоретического концепта консерватизма предпочтение отдано определению, данному А.А. Ширинянцем: «Рефлексивный же, или "теоретический", консерватизм – это некий сплав очень разных тем, мотивов, настроений, хотя и имеющих общий стержень.

В первом приближении стержень этот включает аргументацию, во-первых, защиты традиционных ценностей, соблюдения их иерархии, уважения авторитетов, дисциплины, морали, норм и обязанностей индивида, основных общественных институтов – семьи, религии, общины; во-вторых, культурного кризиса, который трактуется как кризис основ, на которых покоится общество, сюда же относится страх эгалитаризма, угрожающий цивилизации; в-третьих, идеи необходимости социальной стабильности»¹⁰.

Приведенные теоретические положения позволяют определить содержание процесса трансформации постсоветских политических режимов как особенное, в значительной степени обусловленное традицией. Утверждая релевантность такого определения характеру политических преобразований, вряд ли справедливо претендовать на первенство его введения в научный оборот.

Еще российские мыслители XIX века, противопоставляя эволюционный путь политического реформирования революционному порыву радикалов изменить существующий порядок, утверждали о необходимости изменений, основанных на культурных традициях. Труды К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве заложили основы «охранительного», или консервативного, либерализма, инициировавшего широкое интеллектуально-политическое движение земской «почвенной» интеллигенции. При безусловном признании ценности личности, ее прав и

⁹ Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. С. 211.

¹⁰ Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? С. 210-211.

свобод консервативный либерализм утверждал реформистский, эволюционный путь социальных преобразований при сохранении порядка и сильной государственной власти, преемственности культурных традиций. Таким образом, либерализм в «консервативном прочтении» преодолевал радикализм «прогрессистов» и застой «официальной реакционности». Либеральный консерватизм, по словам П.Б. Струве, противостоял противогосударственному «отщепенству».

Актуальный и сегодня, анализ видов либерализма предложил Б.Н. Чичерин. В статье «Различные виды либерализма», опубликованной в 1861 году, Б.Н. Чичерин выделил три вида либерализма. Первый – «уличный», или «либерализм толпы». «Это скорее извращение, нежели проявление свободы», – писал он. Второй – «оппозиционный», понимающий свободу исключительно «с чисто отрицательной стороны». «Он отрешился от данного порядка и остался при этом отрешении». «Отрицая современность, он поэтому самому отрицает и то прошедшее, которое ее произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а пожалуй, и человеческого безумия». И наконец, по мнению Б.Н. Чичерина, «сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его – либеральные меры и сильная власть; либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием; сильная власть – блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и

разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»¹¹.

Степень научной разработки темы. Особенности постсоветской политической трансформации режимов стали предметом современных исследований¹². Представители одной точки зрения отрицают конструктивный потенциал консервативной модернизации¹³, другие сторонники либерально-консервативной политической модели рассматривают централизованную власть незыблемым, статичным и поэтому способным «обеспечить стабильность в краткосрочной перспективе» элементом¹⁴.

Политологическая, экспертная и аналитическая литература изобилует определениями, раскрывающими существо постсоветских политических режимов: «псевдodemократические», «авторитарные», «переходные», «транзитные», «неопатримониальные», хотя в классической политической теории принято выделять демократический и недемократический (авторитарный или тоталитарный) режимы¹⁵.

Трактовку понятия политического режима, позволяющую выйти за пределы их традиционных характеристик, предложил Г.В. Голосов. В своем труде по сравнительной политологии он заметил, что релевантное определение политических режимов должно максимально интегрировать концептуальные теоретические и эмпирические характеристики его качества¹⁶.

¹¹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 2007. С. 49-50.

¹² Консервативная модернизация: сценарий на ближайшее будущее / Россия: третье тысячелетие // Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 2.

¹³ См.: Ионин Л.Г. Апгрейд консерватизма. М., 2010; Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 3-16.

¹⁴ Баранов Н.А. Влияние консервативных тенденций на формирование политической системы России // Обозреватель-Observer. 2016. № 3. С. 16.

¹⁵ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.

¹⁶ Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск. 1995. С. 172.

Несмотря на широкий ряд категориальных определений постсоветских политических режимов относительно оценки их сущностных качеств, в политической науке сложился консенсус¹⁷. Практически все исследователи, обратившиеся к этой теме, выделяют в качестве режимных признаков: персоналистский; электорально-популистский авторитаризм; отсутствие верховенства закона и конкурентной сменяемости власти, открытых выборов; слабость и разобщенность политической оппозиции; конформизм буржуазии; клиентно-патронные отношения власти с элитой и внутриклановых сообществ.

Оценивая процесс демократизации «с эволюционных позиций», т.е. рассматривая его «как систему, которая возникает не сразу, а по частям (отдельными фрагментами)», возникающими не последовательно, сторонники западной модели общественного развития полагают, что, несмотря на некоторое несовершенство, постсоветские режимы движутся в направлении либеральной демократии, создавая «важные основы для будущего демократического развития»¹⁸.

Технологию режимных трансформаций вслед за В. Меркель предложила Г. Михалева. Системный теоретический подход концептуализации «в традициях Парсонса» «рассматривает экономические, социальные и политические факторы, связывая изменения политических и социальных структур с развитием экономики. К этому типу относится и

¹⁷ *Розов Н.С.* Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. 2015. № 6. С. 157-172.

Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 158-187.

Фурман Д.Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль. Т. XXI. 2004. № 10. С. 14-25.

Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9-30.

Тельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма: препринт М-41/15.СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 44 с. Доступ: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено 04.10.2015).

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М. : Новое литературное обозрение. 2004.

Кортаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 119-127.

¹⁸ *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 15.

популярный среди российских политиков модернизационный подход»¹⁹. Структурные теории «анализируют трансформации как следствие классовых конфликтов»²⁰. К представителям этой школы Г. Михалева относит Б. Мира, Д. Рушмайера и Э. Стефенса.

Сторонниками социокультурного подхода в концептуализации переходных режимов автор считает С. Хантингтона, Р. Патнэма, «ставящих успех демократизации в зависимость от глубоко укорененных религиозно-культурных традиций и характеристик взаимодействия между гражданами и их группами»²¹.

Последовательное воспроизведение либерально-демократического институционального дизайна считает достаточным условием режимной трансформации посткоммунистических стран Г.В. Голосов.

Вкладывая в понятие демократии не традиционный смысл «системы универсального недоверия» людей «несовершенных по определению: невежественных, своекорыстных, трусливых», преследующих «собственную выгоду» и всегда готовых «ради получения этой выгоды наступить ближнему на горло», В.Г. Голосов тем не менее считает граждан способными (видимо, благодаря институтам либеральной демократии) «коллективно вырабатывать взаимно приемлемые решения»²².

В целом разделяя позиции институционализма, В.Я. Гельман считает важнейшим элементом политической модернизации (переход «различных стран к современным моделям устройства общества») заимствование или создание базовых институтов по западному образцу»²³. Модернизация политического режима (демократизация) рассматривается В.Я. Гельманом как следствие конкуренции на «политическом рынке» и, напротив, «его монополизация» (характерная для авторитарных режимов) влечет за собой

¹⁹ Михалева Г. Режимные переходы: основные концепции // Отечественные записки. 2013. № 6. С. 4.

²⁰ Михалева Г. Режимные переходы: основные концепции. С. 5.

²¹ Там же. С. 6.

²² Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. С. 18, 25, 29.

²³ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб., 2013. С. 16-17.

застой. Устойчивость авторитарных (электоральных авторитарий, по В.Я. Гельману) постсоветских режимов объясняется длительным отсутствием «политического спроса» на перемены, что, в свою очередь, породило «свободу рук» «политических акторов», «позволявшую им не слишком опасаться проявлений общественного недовольства»²⁴.

Режимные трансформации в контексте транзитологии стали предметом изучения коллектива авторов. Исследователи Высшей школы экономики А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал и М.Г. Миронюк в рамках двух проектов, осуществленных в 2010-2011 годах лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов, задались вопросом: «Нужны ли для демократии какие-то специфические предварительные условия какого бы то ни было характера – ценностные и пр., или определяющими являются решения и действия политических акторов, стремящихся к демократии или противящихся ей?»²⁵. На основе анализа демократической глобализации «третьей волны» авторы справедливо утверждают, что «нет единого вектора развития для всех стран и народов, нет единого будущего человечества – коммунистического, либерального, рыночного и любого иного, – есть разнонаправленность, множественность миров в нашем современном "глобальном мире"»²⁶.

Таким образом, краткий экскурс в проблематику, связанную с режимной трансформацией, и поиск вариантов перехода от авторитаризма к демократии в приемлемых, в том числе постсоветских, странах убеждает в актуальности и практической значимости целей, поставленных настоящим исследованием.

Объектом исследования явились постсоветские политические режимы.

²⁴ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. С. 22-23.

²⁵ Мельвиль А. Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах: препринт WP14/2011/04. Высшая школа экономики. М., 2011. С. 3.

²⁶ Там же. С. 4.

Предметом исследования стал процесс демократического транзита в странах ближнего зарубежья.

Цель работы состоит в определении и презентации модели трансформации постсоветских политических режимов.

Для реализации цели в работе решались следующие задачи:

- выявить основные тенденции когнитивного освоения и практического воплощения феномена демократии;
- определить структурные предпосылки модернизации постсоветских политических режимов;
- проанализировать основные сущностные качества политических режимов новых независимых государств;
- показать нерелевантность либерально-демократической модели трансформации постсоветских политических режимов;
- презентовать консервативную модель их модернизации.

Научная новизна работы заключается:

- в выявлении адекватности современной представительной модели демократии тенденциям связанным с эволюцией социумов в направлении нарастания их «сложности»;
- в обосновании историко-культурным контекстом особенности постсоветского демократического транзита;
- в определении основных сущностных характеристик постсоветских политических режимов;
- в анализе релевантности либерально-демократической модели постсоветской режимной трансформации;
- в предоставлении основных характеристик модели модернизации постсоветских политических режимов.

Методы исследования. В ходе написания работы были использованы как общенаучные методы: анализа, синтеза, системного и исторического

подходов, что позволило представить объект исследования в многогранной палитре качеств, свойств и факторов, определяющих направление его эволюции, и в историко-культурном контексте, обуславливающем современный облик и перспективу развития, так и специальные: контент-анализ нормативных политических документов, экстраполирование на политические феномены данных социологических исследований, компаративный анализ, позволяющий увидеть общее и особенное в постсоветских режимных трансформациях, метод математической статистики и графических презентаций, позволяющий наглядно представить динамику отражаемых явлений.

Работа написана на широкой эмпирической основе. Важнейшей группой источников явились документы государственных институтов, извлеченные из официальных электронных ресурсов и опубликованных сборников документов.

Картину, связанную с описанием официальных структур, существенно дополнили сведения содержащиеся в выступлениях, интервью и статьях государственных деятелей и публичных политиков.

Существенным источником для написания работы стали периодические, в том числе электронные, средства массовой информации.

Описание тенденций режимной эволюции новых независимых государств стало возможным благодаря привлечению данных мониторинговых структур, в том числе социологических, таких как Евразийский мониторинг, ВЦИОМ, Левада Центр, статистических сборников и аналитических докладов подготовленных по заказу международных общественных институтов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Демократия как феномен современности является неотъемлемым компонентом социально-политического процесса и предметом академической рефлексии.

Объективные и субъективные факторы общественного развития, определяя систему социальных связей и интеракций, катализируют импульс эволюции теоретической модели и практики демократии. Локализация демократической парадигмы в пределах одной универсалии, адекватной определенному цивилизационному опыту или историческому периоду, нерелевантна реальности динамично меняющегося общественного порядка и генерируемой трансформационными изменениями социальной «сложности». Отражение в научном знании демократической перспективы – не тривиальное описание устоявшихся представлений, тем более ангажированных политическими и иными соображениями, но ясное представление направлений и механизмов преодоления постоянно возникающего несоответствия между цивилизационными вызовами и институтами демократии.

2. Конструктивное решение проблемы успеха/неуспеха продвижения демократии лежит в плоскости консенсуса двух равновеликих составляющих ее опосредования: структурных и процедурных предпосылок. Однако структурные основания в большей степени определяют отправные «точки» формирования механизма и вариативность направлений продвижения демократии. Историко-культурный контекст связанный с особенностями генезиса и развития российской государственности определяет направления модернизации постсоветских политических режимов.

Структурные предпосылки, сформировавшиеся историческим опытом предшествующего развития стран, объединяемых общей государственностью, обусловили содержание и направление постсоветской режимной трансформации.

Государственность, заложившая специфику культурного опыта бывших союзных республик, обладала особыми, определяемыми историческими обстоятельствами, сущностными качествами. Государство с момента своего зарождения не интегрировалось с потребностями и

интересами общества и в значительной мере отстояло и довлело над социумом. Абсолютная центральная власть, помимо прочего, препятствовала процессу становления и развития института частной собственности, закономерным условием функционирования которого являлся правопорядок. В его отсутствии, естественным гарантом защиты прав и свобод граждан в «демократическом транзите» стала персонифицированная власть главы государства, облеченная наибольшим доверием общества и обретающая в новых условиях становления информационного общества субъектность в демократическом процессе.

3. Основные характеристики и направления эволюции постсоветских политических режимов во многом обусловлены структурными предпосылками, отражающими контекст суверенизации новых независимых государств. Деактуализация национально ориентированной стратегии общественного развития в соответствии с декларированным курсом на достижение перспективы, когерентной с западным культурным опытом, обусловила выбор архитектуры политических режимов, основанной на консенсусе власти с элитой и ее узким слоем – статократией, наиболее лояльными западному выбору.

Политико-идеологические технологии (национальная мобилизация, критика «колониального прошлого») на первом этапе независимости справлялись с задачей ориентации общественного сознания вне поля острых социальных проблем.

Однако нарастание противоречий, в том числе из-за системных сбоек западной цивилизационной парадигмы, привело к сужению каналов ресурсной подпитки политического класса и актуализации его деструктивного потенциала. Единственным адекватным вариантом модернизации политических режимов в этих условиях становится их социализация.

4. Режимная трансформация с целеполаганием на универсальную западную модель демократии оказывается не состоятельной, а попытки объяснить низкую адаптивность либеральной демократии национальной спецификой, пролонгирующей процесс ее имплементации, препятствуют актуализации релевантных стратегий общественного развития.

5. Особая модель модернизация постсоветских политических режимов не результат умозрительных заключений, но выверенная стратегия отражающая практическую потребность общественного развития новых независимых государств.

Актуальными тенденциями демократического мейнстрима являются, во-первых, поиск механизмов устойчивого консенсуса «сложного» общества и власти на основе расширения политического участия и, во-вторых, трансформация демократической практики, связанная с коммуникационной революцией.

Практическая апробация работы. Содержание диссертации представлено в докладах на международных и региональных конференциях:

1. Актуальные проблемы политического процесса на постсоветском пространстве. Международная конференция. МГОУ, апрель 2014 г.

2. Политический процесс на постсоветском пространстве. Международная конференция. МГОУ, апрель 2016 г.

3. Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества. Международная конференция. Сочи, 19.20 апреля 2016 г. и апробировано в 7 статьях, размещенных в изданиях рекомендованных ВАК Минобра РФ.

Структура диссертации обусловлена решением исследовательских задач и включает: введение, две главы, заключение и список использованных источников и литературы.

II. Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, ставятся цели и задачи работы, дается характеристика степени изученности проблемы и эмпирической базы исследования.

В первой главе диссертации «Историко-культурные основания модернизации постсоветских политических режимов и эволюция демократии» дается анализ когнитивных и историко-культурных предпосылок трансформации постсоветских политических режимов.

Первый параграф: «Демократия: от социальной идеи к общественной практике» отражает эволюцию дискурса и демократической практики в контексте поиска релевантного механизма трансформации постсоветских политических режимов.

Становление информационного общества в условиях, когда правительство не обеспечивает консенсус общественных интересов и самодостаточной власти, не амортизирует, а напротив, обнажает неадекватность политических систем потребностям развития демократии. Информационные технологии, дополняемые развитыми коммуникациями, с одной стороны, становятся средством преодоления большинством официального формата политического пространства и, следовательно, дестабилизирующим жизнеспособность нелегитимных элитных структур.

Достижение, по мере развития нового качества сложности социумов, деактуализирует статичные и политически ангажированные практики и теоретические представления, обуславливает стратегию общественного развития в направлении новых адекватных форм демократии.

Таким образом, обретение планетарной цивилизацией нового качества актуализирует общественную и академическую дискуссию об общем и особенном, универсальности и специфики сформировавшейся на Западе в течение длительного исторического периода модели либеральной демократии. Современные общественно-политические практики и когнитивный процесс диктуют поиск направлений развития демократической

парадигмы общественной перспективы. Тенденция вставания общества в постиндустриальную формацию актуализирует возрастающий потенциал осуществления прямой демократии.

Проявляющаяся техническая возможность использования принципов прямой демократии в организации диалога общества и власти способна внести кардинальные сущностные изменения в действующую модель политической системы постсоветских государств. В научном сообществе уже созрели проекты режимной трансформации, в целом согласующиеся с указанными парадигмами, инициированными интеллектуализацией цивилизационного пространства²⁷.

Второй параграф «Эволюция российской государственности в контексте современной политической модернизации» содержит анализ историко-культурных предпосылок обуславливающих когнитивный и практический выбор стратегии демократического «транзита» в новых независимых государствах.

Генезис центральной власти и Российского государства не определялся потребностями развития социума. Обстоятельства формирования государственности не способствовали интегрированию общества и власти и обусловили крайнюю централизацию и деспотический характер государства. Сложилась политическая система, в которой центральная власть безусловно доминировала во всех сферах общественной жизни. Экономика, социальные отношения, политика были подчинены интересам государства.

Вместе с тем, занимая доминирующее положение в социуме центральная власть выстраивала редистрибутивный порядок, при котором наделение благами (в том числе политико-правового характера) полностью относилось к сфере компетенции государства.

²⁷ Курица С., Воробьев В. Каркас конституции государства // Международная жизнь. 2013. №4. С. 96–110.

В таких исторических обстоятельствах отсутствовала возможность генезиса и развития института частной собственности и его закономерного сопутствующего института правового порядка.

Советский режим не внес нового в выстроенный механизм взаимоотношения общества и власти. Мало что изменилось в этом отношении и в постсоветский период. В этой связи политическая модернизация вне контекста сильной персонифицированной власти представляется нерелевантной.

Вторая глава «Либеральная демократия и модернизация постсоветских политических режимов» раскрывает авторское видение демократической перспективы стран постсоветского пространства.

Первый параграф «Основания идентичности постсоветских политических режимов» презентует основные характеристики и качества постсоветских политических режимов. Характеристики, которые позволяют говорить о постсоветском пространстве как феномене, характеризуемом тождеством тенденций политического развития стран мира, им объединяемых, определяются далеко не только сохранением единой социокультурной идентичности, но и качествами, приобретенными в схожей посткоммунистической реальности.

Как справедливо отмечают многие политологи, одной из характерных черт политического ландшафта бывших союзных республик является их «недосуверенизация» в момент обретения независимости, активно замещаемая политико-идеологическими нарративами.

Поиск «комфортной ниши» существования в условиях экономической слабости, тем более необходимости решения задач модернизации хозяйства обусловил интегрирование с доминирующим западным цивилизационным трендом, утверждающим «конец незападной истории» и универсальность

«либеральной демократии как конечной формы человеческого правления»²⁸.
«Глобальная демократизация», о которой высказался С. Хантингтон²⁹, актуализировала стратегию постсоветского транзита в направлении политической трансформации, не адаптированной к историко-культурному контексту.

Материальная несостоятельность постсоветских политических режимов, многократно усиленная направленными извне действиями на развал системообразующих отраслей хозяйства, выразилась в революционном сломе экономического базиса, позволяющего обеспечивать социальную справедливость общества.

Под диктовку международных финансовых институтов (МВФ, ВБР), находящихся в полном ведении США и их партнеров, постсоветским странам была навязана стратегия развития, предполагающая их обращение в потребляющую периферию Запада, лишенную собственного экономического потенциала.

Результаты передела государственной собственности повсеместно породили единообразный социальный ландшафт, поделенный на герметичный тонкий слой олигархов и подавляющую часть социума, лишенную даже минимального набора социальных благ, ранее гарантированных советским режимом, и характеризующийся недифференцированностью носителей властных полномочий и социального капитала.

Недифференцированность власти и собственности продуцировала статократию как «особую социальную страту, обладающую собственным, в сильной степени консолидированным интересом». Институты управления в

²⁸ *Fukuyama F.* The End of History // *The National Interest*. 16 (Summer 1989). P. 18.

²⁹ *Huntington S.* How Countries Democratize *Political Science Quarterly*. 1991-1992. Vol. 106. № 4; *Schmitter Ph.C.* Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy. Paper presented at "The Challenges of Theory Symposium" (Moscow, June 17-21, 1996); *Schmitter Ph.C., Karl T.L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 1.

руках статократии приобрели значение «инструмента извлечения дохода, своеобразного “средства производства”».

Многочисленные исследования свидетельствуют, что вне зависимости от институционального дизайна интересы статократии лежат вне пределов демократического процесса и приобретают внутри властных структур относительную автономию, характеризующуюся отсутствием прямой связи с действующим политическим режимом и персонифицированной властью главы государства.

Социализация и восполнение дефицита легитимности власти вызывают к жизни специальные технологии, консолидирующие граждан вокруг желательной повестки, дезавуирующей остроту социальных проблем. В первые годы независимости особенно значимым акцентом государственной пропаганды стала критика советского прошлого и пересмотр истории.

Еще одним средством сплочения общества в условиях отсутствия ощутимых результатов экономических преобразований стала национальная мобилизация.

Сыгравший свою роль на начальном этапе независимого развития постсоветских стран фактор национальной мобилизации постепенно утрачивает свою актуальность. Отчасти это связано с активным оттоком русскоязычного населения из бывших союзных республик, ссылаясь на сепаратизм которого удавалось заострить национальную повестку. С другой стороны, его дальнейшее будирование стало дестабилизировать ситуацию в странах, как это произошло с юго-востоком Украины, пограничными казахстанско-узбекскими и киргизско-узбекскими территориями.

Ценности либеральной демократии и западного выбора, явившиеся благами для узкого круга элиты и питавшие надежды на лучшую жизнь значительной части населения, развернули общественное сознание в плоскость критического осмысления пройденного пути и перспектив развития, что в свою очередь обусловило потребность режимной

трансформации. Вектор трансформации политических режимов смещается в сторону социализации.

Второй параграф «Адекватность либеральной демократии постсоветской политической модернизации» содержит развернутую аргументацию нерелевантности западного опыта демократизации политической реальности новых независимых государств.

Правовой порядок, составляющий основу западных политических режимов, сформировался как обязательный атрибут, сопровождающий другой основополагающий институт – частную собственность, не способный существовать вне «имущественных прав» (по Н. Фергюсону), обеспечивающих его абсолютность.

Институт частной собственности, давший толчок установлению правового режима на Западе, в абсолютном виде никогда не существовал и по сей день не сформировался в большинстве постсоветских республик.

Очевидно, что отсутствие правового порядка и тотальности закона является главным препятствием воспроизводства на постсоветском пространстве либеральной демократии, основанной на абсолютизации интересов личности. Попытки ее укоренения вне правового государства неизбежно привели во всех новых независимых государствах (кроме стран Балтии) к хаосу, граничащему с утратой суверенитета, увеличили потенциал «внешнего управления», воздвигли непреодолимые препятствия поступательному общественному развитию.

Общественная практика тотального потребительства, стимулирующая частную инициативу и конкуренцию, также не оправдала себя в постсоветской социальной реальности. Потребление на постсоветском пространстве, сохраняющее характеристики, присущие традиционному обществу, служит для большинства населения не фактором, мотивирующим хозяйственную активность, но средством воспроизводства материальных и духовных запросов человека.

Анализ постсоветского контекста «прививки» либеральной демократии убеждает в контрпродуктивности перспективы регенерации условий, порождающих исторически особый тип общественного порядка.

В третьем параграфе «Особенности модернизации постсоветских политических режимов» излагается авторское представление адекватного постсоветской реальности направления режимной трансформации.

Вместе с тем низкая социализация институтов демократии, заимствованных из западного опыта, не означает, как это пытаются представить многие политологи, что авторитаризм является доминирующей характеристикой социетального кода новых независимых государств. Демократические ценности в странах «третьей волны» транзита (по С. Хантингтону) составляют стержневой элемент этоса. Демократическое целеполагание входит в круг основных стратегий, определяющих будущее этих государств.

Однако демократия в представлении граждан постсоветских стран – это не формальная процедура или институты с нетранспарентными признаками политического участия, но подлинное народовластие, открывающее широкий доступ к принятию политических решений. Поэтому большинство граждан стран постсоветского пространства, в том числе и России, выражают определенное желание реализовать демократическую перспективу посредством институтов, адекватных культурному опыту.

Особенностью современных режимных трансформаций «незападных» стран стала очевидность структурной «почвенной» опосредованности, демократического транзита и необходимости учета исторического, культурного контекста демократизации. В случае со странами постсоветского пространства политическая традиция, детерминирующая когнитивный и практический процесс политического реформирования, состоит в доминировании персонифицированной вертикали власти,

характеризуется обусловленной поиском опоры в «сложном» социуме, возросшей внутренней динамичностью (Б. Макконелл).

Открывающиеся и ранее недостижимые возможности социализации авторитарной власти обусловлены развитием коммуникаций.

Во-первых, имея ввиду, что в киберпространстве, как и в других областях, власть принадлежит корпорациям и государству, власть получает действенный механизм регулирования его масштабов и контента. Во-вторых, контролируемое «киберпространство» становится действенным инструментом реализации политтехнологий, направленных на разворот политических предпочтений «в нужное русло». В-третьих, и это главное, с точки зрения поиска парадигмы трансформации политические режимы эволюционируют в направлении нового качества «прагматично информационно-сетевого централизма; архитекторы которого вполне отдают себе отчет в том, что можно сделать гораздо больше, если народ с вами, а не против вас»³⁰.

Логика когнитивного поиска механизма демократической режимной трансформации постсоветских республик требует обратиться к факторам и условиям, способным инициировать качественные изменения властных структур, обеспечивающих их «дрейф» из «сумеречной зоны» в сторону демократии.

Как показывает практика постсоветских политических режимов, для этих целей малопригодны традиционные средства, прочно вошедшие в инструментарий транзитологии. В частности, не оправдал ожиданий демократов «консенсус», или «соглашение», элит.

В то же время, переход к информационному обществу сопровождается развитием коммуникаций и новыми возможностями интерактивного взаимодействия общества и власти, последняя обретает субъектность в

³⁰ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства. Новые вызовы свободе и безопасности // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. С. 134.

процессе политической модернизации, открывающей демократическую перспективу развития.

Отечественные и зарубежные исследователи единодушны в том, что основная роль в постсоветском демократическом транзите принадлежит гражданскому обществу. Во-первых, потому что механизмы прямой демократии, олицетворяющие подлинное народовластие, пока несовершенны, а во-вторых, гражданское общество в условиях депривации традиционных политических институтов консолидации общественных политических предпочтений (политических партий) становится единственным связующим механизмом народа и власти, инициирующим демократические преобразования.

Несмотря на медленные темпы формирования, гражданское общество становится неотъемлемой частью постсоветской реальности и дезавуирует аргументы тех, кто утверждает, что этот социальный феномен – продукт исключительно западной цивилизации, не имеющий оснований в культурном опыте народов постСССР (термин В. Гельмана).

Однако важной с точки зрения определения основных силовых направляющих консервативной модернизации является не только и не столько констатация поступательного развития постсоветского гражданского общества, сколько выявление особенностей генезиса и сущностных качеств, вытекающих из его природы.

В отличие от западного, гражданское общество постСССР выстраивается в соответствии с традиционно-общинной архитектурой миропорядка: «от общественного к индивидуальному».

Аккумуляция смыслов, инициирующих гражданскую консолидацию в плоскости общественных интересов обуславливает, во-первых, непростой путь становления гражданского общества, так как формирование ценностей солидарности сложноструктурированного социума настолько же сложно, насколько сложна выработка национальной идеологии;

во-вторых, включенность структур гражданского общества в политический процесс и его активную позицию в диалоге с властью.

Иначе говоря, трудно формируемые институты гражданского общества изначально обретают политическую субъектность и непосредственно влияют на ход и направления модернизации, становясь трансляторами и в известной степени проводниками общественных интересов.

Таким образом, целеполаганием консервативной модернизации является политический порядок, в котором сохраняется доминирующее положение централизованной власти, постоянно испытывающей (для создания условий сохранения стабильности) необходимость в социализации и расширении политического участия. Катализатором поступательного движения власти в этом направлении являются нарождающиеся институты гражданского общества.

В заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Демократическая трансформация постсоветских политических режимов в рамках транзита, обусловленного западной моделью либеральной демократии, очевидно, демонстрирует свою нерелевантность.

Социальная эволюция, результирующая в том числе в новый уровень сложности общественной организации, неизбежно обострила противоречие между абсолютизацией либеральной аксиоматики прав и интересов личности и меньшинства и их представительства через традиционные институты демократии (в том числе конкурентные выборы).

Перспектива совершенствования процедурной демократии (по Шумпетеру) может реально означать лишь повышение уровня транспарентности и конкурентности передачи власти от одного элитного сообщества другому, но не имеет ничего общего с демократической «первоприродой» народовластия.

Одним словом, представительство «сложного социума» становится неразрешимой задачей демократического процесса, требующего по крайней мере научного поиска направлений его модернизации, в том числе за счет внедрения элементов, механизмов, инструментов все более актуализирующейся непосредственной демократии.

Конструктивный вектор определения позиции в дискурсе точек зрения относительно факторов, фундирующих демократический транзит (структурных или процедурных), лежит в пространстве их консенсуса.

Без учета многовекового опыта политического развития политики любая презентация режимной архитектуры и направлений ее эволюции выглядит метафизической перцепцией (*une vue L'esprit*). В постсоветской социально-политической реальности отсутствуют условия усвоения западного культурного опыта, продуцировавшего либеральную демократию.

Основным цивилизационным достоянием западного мира, породившим современное политическое устройство, является правовой порядок, замещаемый в традиционных обществах народов постСССР обычным правом, этическими нормами, религиозными постулатами и централизованным чиновничье-бюрократическим управлением. Неслучайно утрата ценностных и идеологических ориентиров с развалом СССР повсеместно привела к хаосу.

В условиях правового нигилизма единственным эффективным гарантом прав и свобод граждан после первых неудач «внедрения» демократического порядка стал исторически доминирующий институт персонифицированной централизованной власти.

Справедливо заметить, что постсоветские «центры власти», в отличие от элитных сообществ, являются наиболее динамичными субъектами модернизационного процесса, так как, во-первых, облечены (через процедуру прямых выборов) доверием народа и, во-вторых, в силу естественной

природы власти, стремящейся к стабильности, мотивированы к социализации. Новые возможности агрегирования властью общественных запросов актуализируются развитием процессов, ведущих к революции в коммуникациях. При этом роль диалоговых площадок общества и власти в демократической модели, сохраняющей доминанту централизованной власти, выполняют нарождающиеся институты гражданского общества (возможно, с развитием механизмов непосредственной демократии их арсенал значительно пополнится).

Отличие генезиса и направлений функционирования постсоветского гражданского общества от западного, особые качественные характеристики, как то: значительное присутствие в политической сфере, приоритет консолидации на основе общественных, а не индивидуальных интересов – позволяет считать его релевантным выше обозначенной социальной функции коммуникатора в диалоге общества и власти.

Таким образом, постсоветская модель модернизации не является результатом исключительно теоретических умозаключений или апологией идеологических предпочтений, но обусловленным культурно-историческим опытом и актуальными цивилизационными трендами, направлением демократической трансформации постсоветских политических режимов.

III. Публикации по теме диссертации

Основное содержание и выводы диссертационной работы опубликованы в 7 статьях общим объемом 7,2 п.л. в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Маммадов М.М. Адекватность либеральной демократии постсоветской политической реальности // Обозреватель-Observer. №5 (316). 2016. С. 58-79.

2. Маммадов М.М. Демократия: теоретический дискурс и общественная практика // Обозреватель-Observer. №9 (308). 2015. С. 19–33.
3. Маммадов М.М., Егоров В.Г. Эволюция российской государственности в контексте современной политической модернизации // Обозреватель-Observer. №12 (311). 2015. С. 5–21.
4. Маммадов М.М. Источники идентичности постсоветских политических режимов // Обозреватель-Observer. №4 (315). 2016. С. 6–26.
5. Маммадов М.М., Егоров В.Г. Демократия: от социальной идеи к общественной практике / Democracy: from the social idea to the public practice // Поиск. Вып. 1 (54), январь–февраль. 2016. С. 8–22.
6. Маммадов М.М., Егоров В.Г. Классические либеральные теории демократии // Социально-гуманитарные знания. №2. 2016. С. 149–162.
7. Маммадов М.М. Современные теории демократии: возрастание роли процедурного подхода // Социально-гуманитарные знания. №3. 2016. С. 177–196.
8. Маммадов М.М. Особенности модернизации постсоветских политических режимов // Обозреватель-Observer. №7. 2017. с. 5–32.

